

Гротеск ~ А Готический Эпический

Автор: GE Graven

Глава VII

Ночной воздух был тих, нарушалась лишь затихающая тишина, слышен был лишь крик далекой совы. Звезды

Тускло освещенная территория аббатства, а слабый отблеск нескольких масляных ламп пробивался сквозь окна двух этажей общежитий. Через двор ряд витражных окон также светился, но ярко — собор оживал.

Внутри сверкающей церкви, высоко над головой, сводчатый потолок украшала замысловатая, покрытая копотью фреска. Картина занимала почти всю верхнюю часть собора. Под ней два ряда массивных каменных колонн выстроились вдоль внешних стен и тянулись по всей длине главного крыла. Вместе они поддерживали контрфорсы, которые взмывали ввысь и исчезали в потоке. Та же прочная конструкция была использована во всех четырех крыльях собора, а в местах соединения крыльев — в общем открытом пространстве — располагался возвышенный алтарь с навесом. Свисающие гобелены и драпировки украшали резной деревянный балдахин алтаря, а священный центральный элемент располагался на массивной каменной плите, которая находилась по центру пола. По обе стороны от алтарной плиты к закрытым железным петлям, выступающим из каменного основания, были привязаны толстые кожаные тросы.

Кардинал Блази стоял перед возвышенным алтарем, а пара высоких напольных канделябров отбрасывала мерцающий свет ему на плечи. Полностью погруженный в текст стопки хрупких страниц, которые он теперь перебирал, он что-то бормотал себе под нос. Его глаза были полны слез.

над латинскими отрывками из «Переводов Нарамсина», которые он впоследствии сбежал из архивов апокрифов. Неподалеку монахи Клодий и Гревилл молча ждали указаний. Помимо них троих и монаха Грейта, который занимался привязыванием последней из нескольких длинных кожаных веревок к восьми металлическим кольцам алтарной плиты Собор стоял пустым.

Наконец, брат Грейт подошел к Блази. «Крепления надежно закреплены, аббат; от самого длинного к самому короткому — снаружи внутрь».

Блази на мгновение оторвал взгляд от потрепанных страниц. «Что это значит?»

Гревилл выступил вперед, пытаясь объяснить заявление Грейта. «По обе стороны каменного основания алтаря расположены четыре крюка. К каждому из них нужно прикрепить веревку. Все веревки должны быть...»

Клодий вздохнул, прервал Гревилла и дал Блази более краткое объяснение: «Алтарная плита опирается на две ниши в полу. Если плиту не отодвинуть равномерно, она зацепится».

Блази поднял бровь, но не отрывал взгляда от бумаг. «А если это случится?»

Клодий ответил: «Что ж, если оно зацепится, то тросы нужно будет переставить в обратном порядке — от самого короткого к самому длинному, перекинув свободные концы на другую сторону алтаря. Затем плиту нужно будет полностью закрыть, прежде чем перевернуть тросы». снова и вновь открыть его.

«Это сложно? Требовательно?»

Клодиус пожал плечами. «Просто долго — в меру времени, необходимого для закрытия и повторного открытия шахты».

Блази сообщил ему: «Тогда я поручаю тебе проследить за тем, чтобы плита была готова». «Не забеременеет». Клодий напрягся, когда Блази продолжил: «И, конечно же, я привлеку вас обоих к ответственности за любой выкидыш».

У Клодия отвисла челюсть, и он взглянул на Гревилла, который хмурился, заметив едва заметную ухмылку Грейта. Он заерзал, прежде чем откашляться. «Если позволите, Ваше Высочество, мы не можем гарантировать, что плита не загорится».

Блази медленно опустил страницы и повернулся к нему, прищурив глаза. И Клодий, и Гревилл увидели под стальным лбом кардинала то, что казалось холодным, бледным и решительным взглядом самого Дьявола. Слепой взгляд Блази прожигал их насквозь, словно он хотел увидеть их всех одновременно.

Клодий поспешно отвел взгляд и, глядя на алтарь, продолжил умолять Блази: «Алтарь никогда не перемещали. Нам известно лишь о способе его перемещения».

Просматривая древние записи аббатства. Предполагать, что нам это удастся...»

Блази прервал его, в его словах звучало все возрастающее нетерпение: «Вы сейчас передо мной — не в общезнании — потому что вы по-прежнему в моих хороших отношениях. Вы оба хотите стать новыми зрителями катакомб, не так ли?»

«О, конечно!» — воскликнул Гревилл. — «И мы смиренно служим вам».

Клодий сердито посмотрел на Гревилла, прежде чем ответить: «Да; однако, если вам угодно, Ваш...»

Его Высокопреосвященство—”

«Тогда ты должен проследить, чтобы плита не зацепилась, да!» — рявкнул Блази.

Клодий вздохнул, но всё же подчинился. «Мы так и сделаем, Ваше Высочество».

Внезапно двойные внешние двери молельного крыла распахнулись, и капитан Борн повёл две колонны своих сильнейших солдат в церковь — и по центральному проходу, который Длинные ряды террасных сидений разделяли друг друга. Барабанный бой сотен марширующих сапог сотрясал ораторий собора. Наконец, капитан крикнул им остановиться, и солдаты замерли на своих позициях. И когда его голос разнесся по огромным залам церковных крыльев, над собором воцарилась новая тишина.

Кардинал Блази и три монаха из аббатства наблюдали за приближением капитана Борна. Капитан остановился перед ними, почесал щеку и уперся руками в бока. Он окинул собор парой зеленых, пронизательных глаз, в основном осматривая его. Алтарь с прикрепленными к нему веревками. Затем он обменялся взглядами с каждым из монахов, прежде чем повернуться к Блази. «Начнем?»

Блази снова обратил внимание на страницы Нарамсина и ответил: «Довольно скоро, капитан. Однако есть несколько важных и весьма существенных деталей, касающихся алтаря. Брат Клодий сейчас же ознакомит вас с ними».

Клодий понял намек и шагнул вперед. «Ах, да, капитан», — сказал он. Монах объяснил Борну важность равномерного вытягивания алтарной плиты, чтобы она... не зафиксировался на месте. Вместе они почти три минуты расхаживали вокруг алтаря, пока Клодий объяснял Борну, что от него требуется. Монах продолжил: «Таким образом, расположение ваших людей имеет первостепенное значение, поскольку им придется бороться за место, как только мы начнем». Борн оглядел восемь длинных тросов, лежащих на полу, в точно соединенном виде, отходящих от плиты. «Как вы теперь знаете, — добавил Клодий, — задача перемещения алтаря довольно сложна — поистине, сложнее, чем можно предположить по одному внешнему виду. Тем не менее, мне требуется девяносто восемь ваших людей — ни больше, ни меньше. Итак, сколько у вас есть?»

«ВЫ ГОТОВЫ?»

«Довольно», — заявил Борн.

«В самом деле». Клодиус нахмурился и высоко поднял подбородок. «Понимаю». Он внимательно осмотрел обезображивающий шрам на щеке Борна .

Борн наклонился вперед и прошептал: «Осторожнее со своим праведным взглядом, монах; не заставишь меня сохранять лицо перед моими людьми». Клодий взглянул через плечо Борна . обнаруживают две стойкие колонны королевской гвардии, пристально смотрящие на него.

— Ну что ж, тогда. — Монах фыркнул и отвернулся, подавленный. — Может, устроим разборку с вашими людьми?

«Расположите их так, как считаете нужным, священник», — заявил капитан Борн, медленно взмахнув вытянутой рукой в сторону своих солдат.

Клодий посмотрел на кардинала Блази, который лишь одобрительно кивнул.

Таким образом, Клодий занялся расстановкой восьми рядов солдат на кожаных канатах. В общей сложности сорок человек закрепили два крайних троса, двадцать четыре — следующую крайнюю пару, двадцать — следующую внутреннюю, и четырнадцать — самые внутренние тросы. Борн выставил последних своих людей — тех, кому не были назначены позиции. Крепления — снаружи собора, охраняющие каждый из трех его входов. Все были на своих местах; все были готовы. И в наступившей тишине, окутавшей церковь, Клодий шагнул за восемь рядов солдат, осматривая расположение каждого ряда относительно алтаря. Наконец, он отошел, посмотрел на монаха. Грейт издали кивнул. Грейт что-то прошептал кардиналу Блази, который поднял глаза от бумаг и жестом руки подал знак Борну. В ответ Борн повернулся к своим людям и, обходя их ряды, громко отдал приказы: «Каждый человек» «Тяги! Каждый гребок поднимается как один! Все гребки держатся вместе — гребок на три счета; отдых на три счета!» Он остановился позади них и сжал руки за спиной. «На старт!» Натянутые канаты сжались. «Тяга!»

Девяносто восемь солдат напряженно держались. Восемь тросов скрипели. И все же алтарь оставался на своем священном месте. Блази нахмурился, глядя на Клодиуса. Гревилл заерзал.

«Поднимайте!» Солдаты снова откинулись назад, опираясь на канаты, и скрежет шести тонн скользящих камней разнесся по полу собора.

«Тянь!» — и еще несколько дюймов.

«Взрыв!» — и ещё кое-что.

«Бей!» — ещё.

«Бей!»

Настроенный на нужный лад, подобно корабельному барабанщику, контролирующему гребцов, Борн не сбивался с ритма.

Его солдаты пели хором шипения и стонов. И с каждым новым призывом Борна...

Плита обнажила еще большую грязь на полу. На противоположной от Борна стороне алтаря Блази увидел, как постепенно показалась прямоугольная дыра, источающая многолетнюю затхлость. Наконец, когда глубокая яма полностью обнажилась, раздался оглушительный глухой удар. **через церковь.**

«Всё готово», — сообщил Клодиус Блази. — «Дальше плита не закладывается». Блази жестом указал на Борна, который шагнул к открытой яме.

«Отпустите!» — крикнул Борн. Солдаты сбросили тросы; пот блестел на изможденных руках; несколько человек рухнули на пол, а другие, тяжело дыша, согнулись. И все же...

Большинство мужчин стояли прямо, запрокинув головы и широко раскрыв рты, тяжело дыша, глядя на расписанный потолок с ангелами.

Монахи Грейт и Гревилл выложили вдоль грязного внешнего края ямы несколько высоких напольных канделябров. Блази осмотрел теперь освещенную яму. Глубина ямы составляла двенадцать футов, а размеры — шестнадцать на двенадцать футов. Все четыре ее стены были покрыты черной смолой, напоминающей тонкую пленку угольной золы, отложившейся на внутренней поверхности.

Изрядно потрёпанный каминный дымоход. И всё же, даже под грязью, Блази заметил похожую деталь, выгравированную в центре каждой стены: изображения крестов, каждый из которых был окружён тремя концентрическими кругами. Но больше всего его поразило — больше всего заставило его сердце и дыхание биться так быстро, что он чуть не упал в обморок, — то, что выделялось на фоне явно обугленной ямы.

Из центральной части полости поднимался чёрный, блестящий, прямоугольный камень с четко очерченными краями и острыми углами. Стекланные грани камня отражались в свете канделябра — камень представлял собой стоящий блок из полированного оникса высотой семь футов, шириной пять футов и глубиной три фута. Однако, несмотря на свою массивность, монолит имел единственное, безупречное, ничем не загороженное отверстие длиной два фута, которое прорезало сердцевину самой широкой грани камня. Ряды гравированных изображений. Его внешние поверхности были покрыты геометрическими надписями, включая даже изогнутую внутреннюю часть зияющей дыры.

В своем воображении Блази сопоставлял изображения из апокрифических зарисовок с... Перед ним предстал подлинный артефакт. Полностью замороженный, он расхаживал вокруг ямы, в его единственном работающем глазу сверкал блеск. Его взгляд был пустым — возможно, даже скрывающим постепенное осознание ошеломляющей истины, которая развеяла все сомнения и неверие в то, что Ад действительно существует, с его высокими каменными воротами перед ним.

Издав капитан Борн окликнул Блази: «И что еще нужно сделать?»
«Ах, да. Мы так и сделаем», — пробормотал кардинал, словно загипнотизированный образом Вратного камня, в то время как воспоминания о погибших братьях захватили его мысли и ускорили их. Это зародилось в его сердце и породило в нем сильную ненависть к королю Англии Эдуарду. И в тот момент воспоминаний и горечи он вспомнил неизгладимый голос духа Жана-Жака Блази, сказавшего ему: «Они скрывают секреты, оружие, предназначенное для уничтожения английского короля. Ты должен взять это оружие в свои руки, Франсуа. Ты должен применить его против него».

«Ну и что?» — спросил Борн с нарастающим нетерпением.

Блази, прервав своё оцепенение, рявкнул: «Брат Грейт, как только я окажусь внутри, мне понадобится достаточно света, чтобы видеть. И ты должен меня сопровождать». Он повернулся к Борну: «Мне нужен трос и несколько твоих людей, чтобы спустить меня за борт». Монахи и солдаты были заняты своими делами.

Вскоре Клодиус и Гревилл собрались рядом с Блази, который теперь стоял и наблюдал за происходящим. Страницы Нарамсина. Кардинал повернулся и обратился к Клодию, прежде чем передать ему стопку бумаг: «Вы знаете важность этих пергаментов. Теперь будьте с ними осторожны; они хрупкие. И НЕ роняйте их, так как я их аккуратно разложил».

«Воистину, Ваше Высочество», — Клодий взял их у него. Его жадные глаза пробежались по хрупким страницам, он был поражен тем, что держит в руках древний текст.

Блази добавил с указанием: «Вы должны передать их мне, когда я призову их».

Борн шел рядом с солдатом, который тащил трос к яме. Трое солдат следовали за ним. На краю ямы солдаты спустили веревку через ее край и Они помогли Блази спуститься под пол. Позади них брат Грейт поспешил вперед с небольшим канделябром с семью огнями. Резко остановившись, его сандалия соскользнула с грязи, покрывавшей отверстие, и он чуть не упал в яму. Там он стоял, держа свет и свесившись с края, а кулак Борна крепко вцепился ему в спину рясы. Капитан оттащил его в безопасное место и прошипел через плечо: «Для такого энергичного священника ты издеваешься над смертью».

Внутри ямы Блази поставил сандалии на пол и отпустил трос. Кардинал вытер пятна на передней части своей рясы, но въевшаяся сажа осталась. Он оглядел тусклое пространство вокруг, прежде чем крикнуть снизу: «Монах Грейт! Принесите факел!» Солдаты помогли спустить монаха Грейта в яму. Блази подошел ближе к стене и, подняв руку, помахал Клодию: «Мои пергаменты; отдайте их мне».

Клодий сравнил грязный пол со своей чистой рясой. Вместо этого он отдал стопку бумаг Гревиллю. «Отдай их ему». Гревилл сердито посмотрел на Клодия и взял бумаги. Гревилл лег плашмя на грудь, свесившись с края грязной ямы, и передал страницы Блази. Взяв их, Блази крикнул Клодию: «Ты хочешь руководить катакомбами аббатства; однако они так же грязны, как эта яма. Возможно, мне стоит пересмотреть твое назначение туда». Клодий лишь поджал губы и отвел взгляд .

Оказавшись внутри, брат Грейт поднял руку и взял канделябр у одного из солдат, поморщившись от капель горячего воска, стекающих по его предплечью. «Принеси свет», — крикнул Блази Грейту, приближающемуся к Воротам. Пока монах освещал отполированную поверхность Воротного камня, кардинал осматривал многочисленные ряды отчетливых, но неразборчивых гравюр, которые не имели ни французского, ни латинского происхождения, но были расположены в плавной композиции, напоминающей письменный язык, неизвестный даже самым грамотным ученым того времени. Примечательно, что гравюры представляли собой не иероглифические изображения, а геометрические фигуры, которые кардинал Блази впоследствии узнал из собраний текстов, некогда скрытых в архиве апокрифов . Блази жестом приказал Грейту оставаться на месте. Кардинал отошел дальше. Он отошел от поверхности надгробного камня и расположился точно по центру перед гравюрами. Его взгляд, поток символов, казалось, образовывал узор — ряды кругов и линий, которые могли бы указывать на порядок надписей, требующих немедленного произношения. Однако, как и во многих случаях, когда Блази изучал одинаковые символы в книгах Апокрифов , даже до такой степени, что ему хотелось прошептать их звучание, в его глазах всплывало лишь повторяющееся чувство разочарования от невозможности их воспроизвести. Он опустил взгляд.

Я листала страницы, размышляя о том, каким образом простому священнику аббатства по имени Нарамсин удалось успешно перевести такие загадочные надписи на латынь.

Бумаги Блази развевались, а пламя Грейта мерцало на прохладном ветерке, который внезапно обдул их ноги в сандалиях. Они вместе подняли взгляды и заметили, что Клодиус, Гревилл и Борн смотрят на них сверху вниз. Блази отпустил их и направился к Воротному Камню. Он наклонил голову, заглянул в отверстие и увидел лишь тусклую, далёкую стену ямы. Он приложил кончики пальцев к поверхности Воротного Камня и обнаружил, что она неожиданно холодная. Снова отступив на прежнее расстояние, он устоял на монолит, потирая подбородок и погружённый в размышления.

Борн громко откашлялся, словно выражая нарастающее нетерпение.

Блази ответил на этот звук, даже не взглянув на него: «Это не развлечение, капитан. Некоторые дела требуют деликатности».

Борн фыркнул, упер руки в бока и зашагал взад-вперед у края ямы. «Это «Проклятый дурак, камень», — проворчал он.

Только тогда Блази небрежно поднял голову, глядя на Борна, и прищурился. «Камень? Ты так думаешь?»

Борн подтвердил свое утверждение: «Скала».

Блази передал Грейту стопку пергамента и подошел к той части дна ямы, которая находилась прямо под тем местом, где стоял Борн, и окликнул его: «Может быть, ты одолжишь мне свой кинжал, хотя бы на минутку?»

Борн сжимал в руке клинок с костяной рукоятью, висевший у него на бедре. «И зачем?»

«Поскольку я хочу поделиться с вами кое-чем об этом „простом камне“ — как вы так легко его называете».

Подойдя неподалеку от капитана, Гревилл наклонился к уху Клодия и прошепел: «Он проносит оружие в дом Божий!»

Борн вытащил клинок из ножен. Большим пальцем он стер едва заметное пятно крови Ивана с его отполированной поверхности. Клодий, увидев нож в священных стенах церкви, прищурился и сжал челюсти, но ничего не сказал.

Борн кивнул Блази. «Хорошо», — согласился он, бросив кинжал в яму. Кинжал с грохотом упал на пол рядом с кардиналом. «Поцарапай свой освященный камень и покажи мне его магию».

Блази покачал головой, доставая нож. «О, я не буду его царапать. Тем не менее, этим клинком я могу привлечь ваше полное внимание». Он отступил и приблизился к Каменному Воротам. Затем он слегка поклонился и вонзил нож в его центральное отверстие.

Борн прислушался к тому, что кинжал должен был выпасть из отверстия с другой стороны. Ничего — словно он исчез. Он обошел яму сбоку, но ножа на дне не увидел. Клодиус и Гревилл последовали за ним, оба в недоумении. Наконец, Борн сообщил Блази, «Я видел более впечатляющие магические трюки при Королевском дворе Его Величества». А теперь, если угодно;

«Пожалуйста, верните мне мой клинок».

В одно мгновение потолок собора озарился вспышкой света, когда кинжал Борна вонзился в него, прорезав левый рукав рубашки и пронзив носок ботинка. Прежде чем намертво вонзиться в каменный пол. Борн упал назад на ягодицы, его ботинок все еще стоял на месте. Он посмотрел на кинжал, теперь застрявший между пальцами ног, рукоятка которого была покрыта тонким слоем инея. Он осмотрел свой разорванный рукав и увидел тонкую красную линию, которая поднималась вверх по предплечью. Затем он осмотрел потолок церкви и обнаружил только фреску с изображением враждующих ангелов и демонов, а также плачущих королей. Клодий и Гревилл, подняв брови и широко раскрыв рты, уставились на упавший клинок. Блази стоял в тени ямы, не обращая внимания на то, что происходило за ее пределами. Он ответил Борну: «К сожалению, вернуть его нельзя, капитан. Клинка больше нет».

Борн сломал кинжал у самого кончика и вытащил его из сапога, что-то проворчав под ним. — Он затаил дыхание; — Попробуй ещё раз, и я забуду, что ты кардинал. — Солдат бросился вперед и протянул руку помощи. Борн схватил её, и мужчина поспешно поднял его на ноги. Затем капитан прошептал солдату, убирая тупой кинжал в ножны: — Сержант Армонд, пора подбодрить солдат. Ты знаешь, чего я от тебя жду. А теперь позаботься об этом. Поторопись. — Армонд хмыкнул и бросился к дверям собора, когда Борн, окинув взглядом потолок, крикнул ему вслед: — И принеси мой шлем! — Армонд остановился, ещё раз быстро поклонился и бросился прочь.

Гревилл сообщил Блази: «Лезвие упало сюда!»

Борн настороженно приблизился к краю ямы и увидел Блази, который смотрел на него снизу вверх, скрестив руки. «Это все еще камень, капитан?» Однако Борн лишь обеспокоенно посмотрел на него. Блази повернулся и дал указание Клодию: «Следи за тем, чтобы тросы на алтаре были перевернуты, и расположи солдат капитана по другую сторону плиты, чтобы запечатать яму». Клодий кивнул и отошел, но остановился и посмотрел на Борна в ожидании одобрения. Борн кивнул и отпустил его, раздраженно махнув рукой. Таким образом, Гревилл переставил тросы, а Клодий расставил солдат.

Внутри ямы кардинал Блази переключил свое внимание на Камень Ворот. И когда Клодий расставил последних людей Борна на тросах, которые Гревилл перевернул, кардинал достал у Грейта Переводы Нарамсина и велел монаху держать канделябр определенным образом — достаточно высоко, чтобы тот мог читать написанные стихи, не ослепляя его и не позволяя видеть все лицо Камня Ворот. Внезапный звук чихания солдата разнесся по собору, и Блази бросил взгляд на Борна. «Мне нужна тишина, капитан». Борн приказал своим людям: «Ни звука!»

Затем последовала тревожная тишина, нарушаемая лишь чистым и размеренным голосом Блази.

он начал читать со страниц в руках. — Et erit fugerit a voce formidinis cadet in faveam et qui se explicuerit de fovea tenebitur laqueo...

Время шло, пока Блази обходил Воротный камень, читая вслух латинские стихи Нарамсина. Брат Грейт висел у него на рукаве, а канделябр стоял высоко. Наконец Блази остановился и повернулся лицом к монолиту. Затем он прочитал последний из выбранных стихов: «—formido et fovea et laqueus super et qui habitator es terrae». Затем он опустил страницы и стал изучать камень. Прошла минута, потом две. Наконец, Блази и Грейт вышли вперед, чтобы осмотреть неизменное лицо статуи.

Спустя третью минуту молчания Борн окликнул Блази: «Давайте теперь притворимся, что видим армию Призраков, Ваше Высочество? Или же ваш камень может быть обесточен?» «Это что, магия после фокуса шута с моим клинком?»

Блази поднял взгляд и, заметив едва заметную ухмылку Борна, сказал: «Капитан, вся ваша жизнь — лишь мгновение для этого камня».

Борн скрестил руки и с презрением ответил: «Как и твоя жизнь, то же самое, даже для...» «Камешек». Солдаты усмехнулись. «Тишина!» — отчитал он их.

Клодий и Гревилл стояли в стороне от Борна и его людей, и два монаха тихо беседовали между собой.

«Должен признаться, — прошептал Гревилл Клодию, — за все годы моего служения в качестве священника Высшего совета и несмотря на все прочитанные мною записи и изображения камня, я ни разу не мог поверить, что подобное действительно существовало под этим алтарем. Я лишь притворялся, что верю в это. И я уверен, что большинство монахов Высшего совета чувствовали и поступали так же, как и я, только из страха перед суровым порицанием».

«Теперь мы знаем», — ответил Клодий, кивнув в сторону ямы.

«Но вы действительно верили в его существование — в то, что наше аббатство хранит такой камень?»

Клодий высоко поднял подбородок. «В самом деле, да». Он откашлялся, прежде чем признать: «Однако я полагал, что камень выглядит иначе, чем на эскизах из скриптория». «Почему?» — спросил Гревилл.

Клодий скрестил руки на груди и, поглаживая подбородок пальцами, ответил:

«Что ж, изображение на камне показалось мне слишком совершенным. Только Небеса знают».

Но мне показалось, что это довольно распространённое явление — даже если это всего лишь примитивный пережиток другой эпохи». Он указал пальцем на Гревилла, глядя вдаль. «Более того, я увидел в нём сходство с теми большими стоячими камнями в Англии — с теми древними

Камни, расположенные по кругу, если вы помните.

«Ах, эти; да, я их помню», — ответил Гревилл, кивнув в сторону пола.

Затем он обратился к Клодию. «А что же Женщина -Призрак Камня, с её чёрными глазами и греховным влечением к ничего не подозревающим мужчинам? Верить ли ты, что она существует, как утверждают аббат Вониг и другие, — что она Мать Гротесков?»

Клодиус вздрогнул, словно вопросы Гревилла вдруг причинили ему боль. «Как?»

«Разве можно в ней сомневаться? Она не только существует, но и является во плоти; холодная и бледная, но такая же живая, как ты или я». Прислушайтесь к моим словам, Гревилл — Мать Гротесков Демона вполне реальна».

Гревилл покачал головой: «За все мои долгие годы в аббатстве я не видел ни единого признака ее присутствия. Мне никогда не снилось о ней, как утверждают другие». Он повернулся к Клодию, подняв бровь: «Вы ее видели?»

Клодий чуть не задохнулся, тяжело дыша: «Ты никогда не поставишь под сомнение мою веру, Гревилл! Следи за своим языком со мной!»

«О нет; я никогда не предполагал, что вы... ну, никогда», — воскликнул Гревилл.

«Я лишь задавался вопросом, не видели ли вы её. Простите меня». Клодиус закатил глаза и посмотрел в тёмные уголки собора — возможно, в поисках того самого духа, которого он так прекрасно помнил. Гревилл откашлялся и переключил внимание на Борна, пока капитан торопливо обходил яму.

Борн подошел к двум солдатам, которые стояли на коленях у края ямы; между ними лежал свободный конец свернутой кожаной веревки. Он постучал одного из них по плечу.

«Выньте трос из отверстия и закрепите на его конце петлю — достаточно широкую, чтобы кардинал мог просунуть ногу, когда попросит вытащить его».

Усиливающиеся шаги привлекли внимание капитана к ораторию собора, где к нему поспешили его сержант Армонд и группа солдат. Помимо запасного шлема, сержант нес в каждой руке по паре готовых арбалетов. Четверо сопровождавших его солдат несли только один арбалет. Все они были вооружены плоским кожаным колчаном со болтами, прикрепленный к их бедрам.

Когда девяносто восемь солдат, стоявших на кольях алтаря, заметили сержанта Армонда и его небольшую роту вооруженных людей, они заворчали между собой, закатывая глаза от недовольства. Все они знали, чего делать нельзя — покинуть посты или не подчиниться приказам было бы непозволительным и необратимым поступком. В результате общий тон солдат изменился, как это всегда происходило, когда капитан находил основания для большей осторожности и более сурового наказания за неповиновение.

Клодий подошел к Борну и отчитал его: «Капитан, ваш клинок можно простить; однако эти люди носят арбалеты! Это же Дом Божий! Вы не можете позволить...»

Борн резко обернулся и щелкнул пальцами в сторону Клодиуса и Гревилла, которые остановились на полпути. «Вы двое!» — он указал на дальнюю стену собора, на пару массивных каменных колонн. «Займите свои места вон там, за этими колоннами, у стены, чтобы случайно не попасть под стрелу — разумеется, без всякой причины». Борн сердито посмотрел на них.

Клодий нахмурился, обдумывая завуалированную угрозу капитана. Два монаха поспешно удалились, пройдя мимо ряда колонн и заняв место под большим каменным распятием Иисуса, висевшим на стене. И там они

стоял, скрестив руки, и погруженный в раздумья.

Борн повернулся к Армонду и взял запасной шлем. Надевая свой шлем, он прошептал лучникам: «Вы знаете, чего я ожидаю — никаких исключений. И всё же, никаких Священникам будет причинен вред. И если кто-либо из вас случайно причинит вред кардиналу и «Если это будут его пергаменты, то я позабочусь о том, чтобы тебе отрубили ноги и скормили их собакам». Борн пристально смотрел им в глаза, лучники ерзали, но сержант оставался непоколебимым. Капитан обратился к нему, указывая на свободное от препятствий место возле входа в ораторий: «Расположите своих людей точно там». «Так точно, капитан». Армонд поклонился и обратился к морякам: «Следуйте за мной». Борн наблюдал, как Армонд уводит солдат; и в мгновение ока капитан представил себе молодого, опытного сержанта, который, казалось, напоминал ему самого в прошлом, амбициозного.

Однако девяносто восемь солдат, стоявших у алтаря, увидели Армонда и его одинокий отряд арбалетчиков совсем в другом свете. Они наблюдали, как сержант поставил свой небольшой отряд на колени, держа оружие наготове, и направил на них прицел. Они наблюдали, как он отдавал приказы своим арбалетчикам, попутно указывая пальцем на всех девяносто восемь солдат. Они видели, как он жестом указывал в сторону каждого из трех входов в собор. Они наблюдали, как он обходил сзади свой только что расположившийся отряд и направлял пару арбалетов на спины стоящих на коленях лучников, после чего кивал капитану Борну. Точно так же они видели, как их капитан отвечал своему доверенному сержанту подобным кивком. Тем не менее, они знали распорядок дня; и теперь девяносто восемь человек были полны решимости подчиняться каждому отданному им приказу.

«Оно движется!» — крикнул Грейт из ямы. Борн подошел к отверстию, чтобы лучше его осмотреть.

Внутри углубления Блази подошел ближе к Грейту, который держал канделябр возле выгравированной поверхности Вратного камня. В мертвой тишине, затянувшейся на мгновение, монах прошептал: «Вот». Грейт указал на гладкую черную поверхность — на отражение высоких, неподвижных языков пламени канделябра, который он держал высоко. «Видишь ли ты отражение огня; как оно преломляется?» И хотя ни малейшего ветерка не коснулось его, Грейт вздрогнул от внезапного холода, который, казалось, заполнил пустое пространство ямы. Он обернулся через плечо и обнаружил, что стены ямы теперь полностью блестят от капель воды, которые внезапно сконденсировались на ее грязной поверхности. «Не двигайся!» — рявкнул Блази. Он провел кончиками пальцев по холодной поверхности Камня Ворот; тот стоял твердо — довольно прочно. И все же, даже при этом, отлитое изображение пламени канделябра покачивалось, словно зеркальное отражение пламени проходило сквозь рябь воды. «И правда», — пробормотал Блази, внимательнее осматривая поверхность. Затем он отстранился и поспешно отступил на несколько шагов.

« Из Вратного камня. Что это? »

На безопасном расстоянии Блази и Грейт стали свидетелями неестественного развития событий: ряд за рядом выгравированные надписи на Камне Ворот исчезали. Справа налево и сверху вниз строка за строкой выгравированных символов словно смылась, оставляя на своем месте лишь гладкую поверхность черного, мерцающего камня. И после того, как все надписи исчезли из виду — когда все поверхности Камня Ворот стали гладкими, как черное стекло, — ползучие пласты переливающихся ледяных кристаллов расползлись, окутывая их. Теперь уже покрытая инеем статуя. Затяжной холод в воздухе внезапно сменился пронизывающим холодом. Жрецы заметили, что от дыхания друг друга исходит туман. Внезапно они отступили к стене ямы и наблюдали, как некогда твердые поверхности Вратного камня начали вздуться и перекашиваться, разбухая и сжимаясь, словно весь покрытый льдом блок во многих местах снова задышал. Глубокий гул сопровождал нарастающую вибрацию под их сандалиями, и они на мгновение обменялись покрасневшими и изможденными выражениями лиц, прежде чем осмотреть дрожащий пол.

За пределами ямы, у дальней стены собора, брат Клодий стоял рядом с одним из многих массивных колонн; и, скрестив руки и с высокомерным видом, он тайком пожаловался брату Гревиллу: «В уединении кабинета аббата кардинал лично выбрал нас с вами в качестве помощников. Прямо сейчас мы должны быть в этом кабинете». «В яму, с Его Высокопреосвященством». Клодий покачал головой. «По правде говоря, я должен был бы быть там, вместо брата Грейта; я гораздо лучше разбираюсь в камне, чем он!» — фыркнул он. «И все же мы стоим здесь, у стены, вдали от всего происходящего, как пара жалких оруженосцев». Он поморщился от явного отвращения. «И этот капитан испытывает мое терпение, как никто другой». Клодий вздохнул и прислонился плечом к колонне. «Послушай меня, Гревилл; если бы я не был таким внимательным и заботливым...»

Клодий стиснул зубы и посмотрел на колонну, на которую опирался. Он осторожно поставил... Сначала он приложил руку к столбу, затем обе руки, потом ухо, прижавшись головой к нему, и заметил: «Гревиль, положи руку на этот столб. Гревиль?» Клодий оглянулся через плечо и обнаружил, что Гревиль стоит гораздо дальше от него, чем он предполагал. Гревиль прислонился к стене церкви, подняв одну руку и слегка касаясь основания настенного распятия.

«Поторопитесь!» — Клодий помахал Гревиллю рукой.

Однако Гревилл не отошел от стены. «Оно движется!» — воскликнул он, опуская руку и указывая на резьбу. Клодий отошел от колонны и подошел к нему. Гревилл приложил руку к уху в сторону распятия, жестом предлагая Клодию прислушаться внимательнее. «Послушайте, как она дрожит!» Клодий наклонился вперед, склонил голову и услышал слабый, но быстрый стук статуи, вибрирующей о камни стены. «Столб тоже дрожит», — ответил Клодий, оглядываясь через плечо на колонну, которую только что покинул. Тотчас же оба жреца оглядели колонну.

ПОЛ.

Гревилл заговорил: «Стена — колонна — теперь пол — возможно, вся церковь дрожит?»

Клодий поднял взгляд на фреску на потолке. Он, нахмутив брови, заметил: «Не годится — для фрески».

Клодий внимательно рассматривал обширную, возвышенную картину. В её центре, высоко над алтарём собора, располагались портреты трёх царей в полный рост, окружённые кольцом голубоватых языков пламени. Дальше за пределами кольца, полностью окружая его, располагались изображения сражающихся Ангелов с мечами, щитами, нагрудниками и шлемами. Подобно воздушной армии, эти Ангелы, казалось, защищали трех царей от скопления крылатых Демонов, каждый из которых обладал гротескными чертами, подобными чертам различных каменных статуй, украшавших верхние террасы внешней крыши собора.

Гревилл шепнул Клодию: «Скажи, пожалуйста, что будет, если он окажется не тем человеком, за которого себя выдает, — если он, наоборот, в сговоре со Злом?»

Клодий вздрогнул и медленно повернулся. «И о ком вы говорите?»

«Кардинал, — воскликнул Гревилл. — А что, если он намеревается не только призвать духов против англичан? Что, если он сам — дьявол, и пришел в аббатство только для того, чтобы открыть камень?»

Клодий отступил назад. «Ты что, потерял равновесие? Ты говоришь ересь! Ради всего святого, он — кардинал Авиньона!»

Гревилл продолжил: «Я являюсь монахом Нижнего совета, но мне не знакомы те отрывки, которые он зачитывал. Можете ли вы их вспомнить?»

Клодий наклонился к лицу Гревилля и отчитал его: «Он не просто монах-монах, а кардинал-монах — и все надписи на камне у него в руках!»

«Разве он не гораздо лучше нас обоих разбирается в Гейтстоуне?»

«Тем не менее, — настаивал Гревилл, — знакомы ли вам какие-либо отрывки из того, что он читал?»

Клодий схватил его за руку и прорычал ему в ухо о причине вибрации пола собора — это были скачущие кони за пределами церкви. Затем он отпустил Гревилла и пригрозил ему: «Не испытывай моего терпения! Я больше не потерплю твоих еретических обвинений в адрес нашего нового аббата. А теперь соберись с духом, иначе ты лишишь нас обоих законных мест надзирателей катакомб!»

Гревилл с раздраженным вздохом отпустил Клодия и отвел взгляд. Упрекнутый монах скрестил руки и сердито посмотрел на солдат, привязанных к алтарю, которые теперь смотрели вниз на дрожащий пол. Некоторые из них шептались с выражением беспокойства, и все ряды слегка покачнулись, солдаты нервно переминались с ноги на ногу.

Борн стоял с тремя солдатами у края ямы и, сурово окинув взглядом нервничающих солдат, крикнул им: «Успокойтесь! Замолчите, иначе...»

«Следующий человек должен устроить мне страстную битву!» Он обернулся. «Армонд, будь наготове; оружие наготове!» Он резко развернулся. «Все вы должны сосредоточить внимание на мне — не друг на друге, не на полу, не на священниках — только на мне!» Почти сотня солдат замерла, словно статуи, их взгляды были прикованы к капитану. Единственное заметное движение в тот момент произошло прямо под сапогами Борна, на полу ямы.

Проделав отверстие, кардинал Блази отступил к стене и нащупал свисающую веревку, но обнаружил лишь скользкую, холодную поверхность, покрытую конденсатом. Брат Грейт провел канделябром по блестящей стене, ища привязь. В одно мгновение пламя его канделябра отклонилось от стены, и в направлении Воротного камня. Грейт поднял голову, осмотрел верхние края отверстия и обнаружил, что, подобно свету, который он держал в руках, все языки пламени свечей... Окружающие напольные канделябры также были наклонены к центру ямы. «Капитан! Привязь!» — крикнул Блази, вытирая горсть черной грязи о свою мантию и ворча себе под нос. Затем он украдкой оглянулся через плечо на выпирающий Гейтстоун. «А теперь, если вы не возражаете!» Солдат поспешно спустил веревку, следуя указаниям Борна: «Просуньте ногу в петлю страховочного троса». Блази схватил веревку, когда...

«Пссс!» Внезапный оглушительный поток воздуха вызвал непрекращающееся шипение, напоминающее извержение вулкана. Два священника бросились в атаку. Один ударился о стену. Подсвечник Грейта ударился о пол ямы, и его пламя погасло. Блази потерял переводы Нарамсина; стопка страниц рассыпалась. Внезапно он, ползком на четвереньках, бросился через пол, чтобы собрать упавшие страницы, но при этом настороженно следил за камнем Гейтстоун и дырой в его центре, которая теперь сама собой заполнилась. Под клубящимся черным туманом. Бурлящая тьма клубилась и дымилась, прежде чем выплеснуться из «Вратного камня» плотным облаком. Блази схватил последнюю оставшуюся страницу и бросился к ней. Когда густой туман окутал дно ямы и скрыл его ноги в кромешной темноте, казалось, что весь пол ямы исчез, полностью поглощенный чёрнейшими тенями.

Блази схватился за трос, когда по стене соскользнули ледяные пласты, потемневшие от сажи. Он поднял одну ногу. Он схватил свою сандалию и отчаянно боролся с петлей на конце веревки, пытаясь найти опору. Черный туман поднялся до уровня его бедер. «Тяни, Боже мой! Вытащи меня!» Он засунул страницы Нарамсина в зубы и вцепился в веревку. Грейт закричал, высоко подняв ноги, сквозь едкое облако: «Жжёт! Это огонь!» Голос Борна сверху скомандовал: «Вы двое — дёрните за трос! Вы — приведите другого! Двигайтесь!»

«Сейчас же!» — прокричал Блази сквозь стиснутые зубы. Солдаты начали вытаскивать его из ямы, хотя на его ногах уже появились кровавые волдыри. Грейт вскочил на Блази и...

Мгновенный рывок дополнительного веса отбросил одного из двух солдат с криком прямо в яму, и тот с отвратительным глухим стуком пробил туман. Оставшийся солдат вскрикнул, когда быстро соскользнувший трос обжег ему ладони. Священники вместе сползли обратно в облако высотой по пояс.

«Проклятый кардинал!» — закричал Борн, хватаясь за трос, чтобы заменить павшего солдата. Он позвал еще шестерых. «На этот трос! Сейчас же!» Ноги зашумели.

И веревка натянулась в тот самый момент, когда Блази оттолкнул Грейта от себя. Священник пошатнулся назад и скрылся в клубящемся тумане. Оставшись один на веревке, Блази скользил вверх по стенке ямы. Солдаты вытащили его в безопасное место, одновременно бросая в яму второй трос. Блази перевернулся на спину и схватился за бедра. Темные пятна просачивались сквозь примятые части его одежды. Он напрягся от боли и задышался, страницы все еще были зажаты в его стиснутых зубах. Солдат склонился над ним на колени и потянулся к краю его рясы.

« Не смей меня трогать!» — воскликнул Блази, поморщившись.

Клодий крикнул издали: «Что с тобой, капитан? Уберите оттуда брата Грейта ! Он умрёт!»

Борн резко развернулся и заорал: «Армонд, будь , и, указывая на Клодия, сказал: «Если этот человек он активен или говорит, брось его!»

Находясь всё ещё в яме, Грейт вскарабкался на ноги. Он спотыкаясь, шарил руками, кашлял и был ослеплён едким туманом, который теперь равномерно поднимался к его груди. Борн взревел: «Бездарные ублюдки! Он ничего не видит! Подвиньте этот трос ближе к... дайте мне его!» Он вырвал веревку у своих солдат, обошел яму сбоку и бросил ее в отверстие, одновременно крича Грэйту: «Сюда; да; идите к тросу; да; идите дальше; я здесь!»

Грейт нашел веревку и, все еще задыхаясь от обжигающего тумана, прицепился к ней. «Тяните!» — крикнул Борн шеренге мужчин позади себя. Все они откинулись назад.

С помощью веревки Грейт скользнул вверх по стенке ямы. Пройдя лишь половину пути к безопасности, Грейт почувствовал, как кожа начала отслаиваться от его рук, прилипая к стенке ямы, как мокрая салфетка. Плоть вываливалась из его сжатых кулаков.

Он сжал кулаки и соскользнул вниз по веревке, кувыркаясь обратно в туман. Борн увидел конец веревки без петли и рявкнул: «Принесите мне другой трос!»

Грейт снова вскочил на ноги, над туманом виднелся лишь его подбородок. Но, как и кожа на его руках, теперь отсутствовала, плоть на ушах тоже — полностью растворилась . Теперь глухой и слепой, он в панике бегал вокруг ямы, размахивая руками в поисках веревки. Он упал. Снова встал. Борн приготовился бросить второй трос, но остановился. Он не позвал священника; он не мог. Он даже не узнал в движущемся красном шаре голову человека . И все же Грейт вскрикнул от ужаса, тон его голоса теперь ужасно изменился из-за едкого тумана. И если когда-либо и была череда таких криков, которая могла бы навсегда запечатлеться в памяти даже опытных солдат...

Со своего наблюдательного пункта девяносто два солдата, прикованные к алтарю, не могли видеть ужасное зрелище, разворачивавшееся на дне ямы; им оставалось лишь слушать душераздирающие мольбы отчаянного священника, чьи крики были криками человека, сожженного заживо. Глаза солдат наполнялись слезами; сердца колотились; дыхание учащалось. Тем не менее, они оставались непоколебимыми, ожидая любого приказа, который мог поступить.

Последние крики Грейта стихли, превратившись в булькающие звуки, прежде чем его окончательно поглотил клубящийся туман. Борн быстро подошел к Блази, который теперь лежал. Он лежал на боку, корчась от боли, перелистывая страницы в поисках порядка в стихах. Борн наклонился и прорычал ему: «Человек просто растаял, как свеча в этом». «Проклятие тебе — что бы ты ни призвал!» — Борн наклонился ближе к Блази. — «Это твоя благословенная армия Призраков — черный туман? Послушай меня внимательно, кардинал; я потерял человека от твоих рук, и я не потеряю еще одного! Ты должен встать отсюда и исправить то, что ты натворил, или я прикажу своим людям засыпать яму плитой». Он повернулся к шести мужчинам, которых вызвал с тросов, и приказал им вернуться на прежние позиции.

«Ты не можешь этого сделать!» — запротестовал Блази, задыхаясь. «Я должен прочитать соответствующие отрывки, чтобы закрыть камень. Но мы не можем закрыть его, пока не явятся Духи и я не призову их против англичан в Креси!»

«Тогда сделай это сейчас! Прочитай стихи! Отправь их, и я накрою их плитой!»

«Призывать духов не нужно. Дайте им — дайте им больше времени. Туман — это не они!»

«Откуда ты знаешь наверняка? Ты когда-нибудь видел духа?»

«Нет! Но я видел много туманов!»

«И я уже достаточно увидел и услышал!» — крикнул Борн. «Я намерен закрыть эту плиту — независимо от того, стихи это или нет!»

«Послушай меня, Борн, — завыл Блази от боли. — Натягивание плиты над ямой не закроет камень. Даже если ты закроешь камень — под плитой он останется открытым. Только соответствующие стихи закроют его!»

«Либо ты найдешь свои стихи, либо я стану тем стихом, который закроет эту проклятую плиту!»

«Ни в коем случае! Нельзя торопить камень — или меня! Ради Бога, капитан, посмотрите на меня! Я едва могу дышать от боли!» Он снова повернулся к страницам, перебирая их дрожащими пальцами, пока перечитывал. «Еще минутку, умоляю вас», — простонал он, слезы текли по его щекам, и он был почти в ярости от жжения в ногах.

«У меня нет ни минуты, кардинал! Туман поднимается прямо сейчас! Когда он выльется из отверстия, я упусти свой шанс закрыть плиту. Мои люди на месте, и момент мой. Теперь либо вы...»

«Вжик!» — Борн обернулся в сторону внезапного потока воздуха, донесшегося из ямы.

«Держите позиции!» — крикнул он своим людям. Капитан осмотрел тускло освещенное отверстие. Пламя всех окружающих напольных канделябров погасло. Из углубления доносился ледяной ветерок. На алтарной крышке гобелены развевались на непрекращающемся ветру.

«Нет! Поймай их!» — закричал Блази, шаря руками в поисках разбросанных по полу страниц. Однако несколько бумаг упали, захваченные порывом ветра, и были унесены в яму. Он выпрямился, прижимая к груди растрепавшуюся стопку страниц. «Капитан, как вы ожидаете, что я... этот ветер... я не могу...» Борн прервал его, крикнув через плечо: «Если ты потерпишь неудачу, я тебя накажу!» «Вы арестованы, и вы вернетесь со мной в Париж и расскажете Его Величеству Королю об этом безобразии, которое Церковь тайно скрывала». Блази застонал, поднимаясь на ноги. Он, спотыкаясь, отошел от ямы, морщась, и унес страницы прочь от продуваемой ветром ямы.

Борн, приближаясь к яме, крикнул: «Стражники у дверей! Вы будете моими факелоносцами! Смените свои посты и приведите из двора подкрепление — семь вооруженных человек, чтобы охранять каждую из дверей, которые вы сейчас охраняете. Сообщите им, что любой, кто попытается войти в церковь, будет убит! А теперь — вперед!» Тотчас же стражники бросились в бой, и три двери собора захлопнулись. Борн оглянулся через плечо. «Армонд, следи за всем, что движется!» Он повернулся. «Люди у тросов; будьте готовы дернуть как один — по моей команде. Затем, вытащив сломанный кинжал, Борн осторожно приблизился к отверстию.

На другом конце собора Гревилл вытер слезы с щек, глубоко вздохнул, поднял взгляд от пола и повернулся к Клодию, сердито спрашивая: «Теперь, когда брат Грейт мертв, ты веришь, что пол все еще дрожит от скачущих коней у церкви?»

Клодиус прищурился, глядя на него, затем скрестил руки и оперся плечами на колонну. «Следи за языком, Гревилл. Если бы я не позволил себе выстрелить в спину, я ничего не мог бы сделать, чтобы спасти Грейта. А почему ты ничего не сделал?» Клодиус покачал головой. и продолжил: «Кроме того, мы никогда не настаивали на том, чтобы он спускался в эту яму». Выбор был только за ним — и он сделал это лишь для того, чтобы заслужить расположение кардинала. А теперь прекрати хныкать и говори потише, иначе нас обоих застрелят!» Клодий кашлянул и переключил внимание на яму. Между ними воцарилась минута молчания.

Наконец Гревилл прошептал: «Что-то происходит внутри ямы. Пламя всех канделябров погасло. И я чувствую постоянный ветерок». Он посмотрел прямо на Клодия. «Нам следует незаметно выбраться из церкви, пока стража не стоит у дверей, а капитан стоит к нам спиной».

«Видите?» — Клодий незаметно указал через собор, снова кашлянув. — «Мы даже до дверей не доберемся».

Гревилл оглянулся через плечо Клодиуса и увидел, что Армонд смотрит прямо на них в ответ. Гревилл прошептал Клодию: «Но он не будет наблюдать за нами бесконечно. Возможно, мы сядем на пол, и он отвернется?» Клодий снова поддался назойливому кашлю. Краем глаза Гревилл изучал бесхозный фасад церкви. Закатывая глаза, он искал удобный путь к отступлению, очерчивая всю внешнюю стену. За ними он заметил каменный крест на стене, на котором висело скульптурное изображение. Статуя распятого Иисуса, висящая на ней, покачивалась, словно медленно движущийся маятник. Гревилл отошёл, чтобы рассмотреть его поближе, и воскликнул: «Видите, как он двигается?» Указав на качающееся распятие, он посмотрел на Клодия, который махал рукой перед лицом и все еще кашлял. Только тогда, при новом ракурсе освещения, Гревилл заметил Тонкий слой пыли осел на Клодии, осыпаясь сверху с верхних краев колонны. Оба жреца тут же подняли головы, пытаясь понять, откуда взялась эта пыль. «Это рыхлый раствор», — заявил Клодий. Он отошёл от колонны, откашлялся и оглядел высокий потолок, прежде чем снова взглянуть на Гревилла, который стоял в ужасе, прикрыв рот рукой, широко раскрыв глаза и уставившись на потолочную роспись. Клодий проследил за его взглядом и в самой высокой точке потолка увидел трех изображенных царей, которые, казалось, повернули головы и смотрели вниз, прямо на них двоих. «Не может быть», — пробормотал Клодий, держась за лоб. «Это всего лишь фреска. Освещение, или, может быть, пыль, создают впечатление, что она движется». Оба священника отступили за ряд колонн к стене церкви. Гревилл прошептал: « Боже мой, что мы... натворили?»

Три двери собора открылись и тут же захлопнулись. Борн опустился на колени у ямы, всматриваясь в ее темные глубины, когда его окружили шесть солдат с двенадцатью факелами. Под танцующими языками пламени факелов их волосы и одежда развеивались на легком ветерке; и, когда отверстие осветилось, Борн вскочил на ноги. «Отступайте!» — крикнул он, размахивая руками перед своими людьми и отступая на несколько шагов, прежде чем остановиться на безопасном расстоянии, чтобы рассмотреть удивительную новую форму Камня Ворот, который теперь доминировал в пространстве отверстия.

В мерцающем свете факелов и ледяном ветре дым от дыхания солдат окутывал туман . Борн осмотрел бурлящий столб, который выглядел как небольшой неподвижный торнадо, расположившийся на месте Гейтстоуна, в центре ямы, лишь немного возвышаясь над ним. чем уровень пола собора. Вершина черной, закручивающейся колонны была такой же ширины, как и ее основание; и хотя ее центр казался полым, заметная пустота внутри была слишком темной, чтобы ее увидеть. Однако у более освещенного края ямы Борн заметил, что чернильный туман, который когда-то грозил перелиться через края ямы, теперь начал отступать, опускаясь все ниже к стенкам ямы, глубже в яму, словно постепенно затягиваемый вихрем. И в рассеивающемся тумане перед глазами предстало дно ямы, обнажив раскинувшиеся безжизненные силуэты священника и солдата. Борн

Он созвал своих факелоносцев. Поднявшийся ветер раздувал тлеющие угли из пламени факелов. Борн держал кинжал наготове, медленно приближаясь к яме.

Они остановились у края тусклой ямы. Солдат высоко поднял фонарик и направил его на... вниз. «Капитан, они еще живы!» — Борн наблюдал, как теневые фигуры перевернулись на спину. Казалось, две силуэта по очереди катились к основанию вихря, ускоряясь по мере приближения к нему. Капитан уже собирался запросить тросы, когда понял, что они не двигаются сами по себе. Трупы скользили по полу, и вихрь поглотил их.

Мгновенно из монотонного гула вихря раздались глухие удары — глухие стуки, словно большие комки грязи, многократно ударяющиеся друг о друга. Борн отступил назад. Он уставился на ближайшую стену вихря, где появились черные и неровные фигуры, окутывающие его внешний край, словно преследующие друг друга сквозь вращающуюся колонну. Гладкие края черного вихря сменились неровной поверхностью темных и неправильных форм. Затем из него вылетела одна деталь, все еще прикрепленная к вихрю. Выступающая часть кружилась и кружилась вдоль колонны, свободно и полностью вытянутая. В тот момент, сквозь едва заметное размытие вращательного движения, Борн узнал в летающем объекте вялую, качающуюся руку, и только тогда он обнаружил, что вся колонна превратилась в Коллекция почерневших, вращающихся частей тела.

Борн уронил кинжал; тот с грохотом упал на пол. Он вскинул руки в явном поражении и обратился к стоявшему рядом солдату с натянутым выражением удовлетворения: «Его Величество Король заверил меня, что я смогу насладиться пребыванием в компании добрых монахов в мирном аббатстве — обилием еды, освященным аббатским вином — возможно, охотой на кабана и жарким для рядовых...» Борн схватил солдата за жилет, сверкнув глазами, и ткнул указательным пальцем в вращающуюся колонну. «Что это, ради Бога, такое?» Борн оттолкнул молчаливого солдата, отошел и поспешно зашагал кругом, откидывая волосы с глаз, осматривая самые дальние уголки собора. «Довольно! Кардинал? Армонд, где кардинал?»

На другом конце церкви сержант Армонд вытер слезящийся глаз рукой. Про себя он проклинал мелкий слой пыли, который неуклонно опускался сверху, оседая на нем и его небольшом ряду арбалетчиков. «Я не вижу кардинала, капитан», — крикнул Армонд, моргая и переставляя два арбалета на спины своих людей.

Бах! С потолка упал большой камень, разлетевшийся вдребезги о пол всего в нескольких футах перед отрядом. Двое арбалетчиков вскочили на ноги. Армонд бросился вперед: «Не заставляйте меня», — прорычал он, приставив арбалет к затылку. «Занимайте позиции». Мужчины снова опустились на колени.

Направив оружие на солдат, стоявших на привязи, Армонд отступил назад, оба его лука были нацелены на них. Однако его взгляд был устремлен в другое место — на двух монахов напротив собора, — чтобы не упустить из виду другого священника и еще больше не разочаровать своего капитана.

Клодий и Гревилл нервно переминались с ноги на ногу, глядя в сторону церковных дверей.

Тут же они обернулись и увидели Армонда, отдающего указания одному из своих арбалетчиков, который, стоя на коленях, замахнулся оружием на монахов.

«Он нас застрелит!» — воскликнул Гревилл, крепко схватив Клодия за мантию.

Клодий отчитал его: «Возможно, он и правда — из-за тебя!» Он оттолкнул Гревилла. «Раз ты не можешь сдержаться, то теперь на нас обоих направлен арбалет». Он фыркнул, с явным презрением подняв нос к потолку.

Гревилл пожаловался: «Здесь нам небезопасно! Камни арки падают...»

«Матерь Иисуса», — внезапно пробормотал Клодий, уставившись в потолок. — «Этого не может быть».

Высоко над алтарем, невидимые для всех, кроме двух жрецов, три царя с фрески словно ожили, трясая головами, их лица исказились от крайней агонии. Однако их движущиеся изображения внезапно застыли на месте, неподвижно, с открытыми ртами и широко раскрытыми глазами, теперь они смотрели сверху вниз на Клодия и Гревилла. И в этот момент их застывшие лица начали потрескивать и сгорать, выпуская облако рассеивающегося дыма и град обугленных крошек краски, которые опускались на пол, словно черный снег. Только тогда солдаты подняли головы, пытаясь найти источник пепла, осевшего на них.

Клодий кашлянул и помахал рукой перед лицом, пытаясь смахнуть мелкую пыль.

Затем он попытался найти причину резких, щелкающих звуков, похожих на треск раскаленных камней в холодной воде, и обнаружил трещины, расходящиеся по всей поверхности массивной колонны, возвышавшейся рядом с ним. Он отошел от колонны, осматривая ее издали и наблюдая за потоком пыли, который спирально опускался по ее изогнутой поверхности.

Внезапно трещины расширились, и большие куски камня отвалились от колонны, с оглушительным грохотом падая на пол и мгновенно привлекая внимание всех в соборе. Когда куски колонны откололись сквозь пыль и падающие обломки, Клодий заметил,

что обрушение колонны не было случайным, поскольку обнажившийся участок более глубокой Цельный камень представлял собой гладкую поверхность боковой стороны гигантской высеченной из камня ноги.

По мере того как с неба падали камни, монаху стало ясно, что из-под падающих осколков постепенно показалась возвышающаяся статуя. Эта колоссальная фигура была статуей...

Великан в доспехах, сжимающий длинный меч. Другая его рука лежала под каменным блоком, поддерживающим крышу собора. В юбке из тонких пластин доспехов он стоял в спартанском боевом облачении, напоминающем одежду древнеримского воина.

Его голени и предплечья были покрыты изогнутыми пластинами, а шлем был круглым со всех сторон, причем самая верхняя часть головного убора сужалась кверху, образуя тупой конец. Между его широкими губами располагались острые кончики рядов зазубренных зубов, а в центре лба находился единственный циклопический глаз.

Гревилл промчался мимо ряда колонн и, съежившись, остановился у внешней стены собора. Он оторвал взгляд от возвышающейся статуи циклопа и обратил внимание на странное движение, которое заметил краем глаза. Там, у стены, прямо рядом и чуть выше него, висел резной крест с каменным изображением Иисуса — он двигался. Гревилл уставился на фигурку, похожую на Иисуса; её грудь быстро поднималась и опускалась, словно пытаясь дышать. Монах застонал про себя и сполз по стене. Подавленный, он свернулся калачиком, чтобы плакать и молиться о том, чтобы проснуться от того, что ему показалось ужасным сном, — и вдруг обнаружить себя в тишине своей комнаты в общежитии. Клодий закричал на Борна, указывая на новую статую циклопа: «Смотрите, капитан! Ради Бога, вы сошли с ума? Ваши солдаты — ничто по сравнению с ней! Мы должны уйти сейчас же!»

Однако спина Борна была обращена к Клодию. Капитан крикнул солдату у алтарных тросов, который к тому времени отпустил веревку и выпал из строя: «Не покидайте свой пост! Вернитесь к тросу, немедленно!» Вместо этого солдат убежал, бросившись к дверям собора. Капитан так же быстро развернулся и крикнул: «Армонд!»

Внезапно раздались выстрелы из арбалетов, полетели стрелы, и мужчина, споткнувшись, упал на пол, получив несколько стрел в спину. Он корчился, задыхался и умер. Только тогда Борн обратился к Клодию, ткнув в него указательным пальцем: «Молчи, священник; МОЛЧИ!»

Борн повернулся, откинул развевающиеся волосы и заколол их за ушами. Он направился к своим факелоносцам: «Подойдите ко мне к яме! Защитите свои факелы от ветра! Соберитесь вместе и держите факелы зажженными; каждая пламя должно зажечь следующее!» Он приблизился к краю ямы. В слабом свете наклоненных факелов он увидел трещины, образующиеся в стенках ямы, поднимающиеся вверх и переходящие через самый верхний край периметра впадины. Тем не менее, трещины расходились от Вратного камня, через верхний пол собора, даже распространяясь под его ботинками. Борн отступил назад. Внутри в яме раздался стон вращающейся трубы, который становился все громче по мере того, как она, казалось, набирала скорость. В этом стоне раздавались нарастающие крики, сливающиеся воедино, напоминая огромное скопление непостижимых страданий — словно ревущий хор из тысячи истерзанных душ.

Борн завывал: «Где кардинал?» Однако его взгляд был прикован к черному, вращающемуся чудовищу из спрессованных частей тела, которое теперь предстало перед ним. Затем он приказал Его факелоносцы, перекрикивая шум, отталкивали солдат от ямы: «Падите!»

Назад! Все, кроме вас троих, — держите свои факелы на нём. Вы двое, мне нужно больше факелов в этой церкви! Следите за этим! А вы, займите свои места на тросах!» — крикнул он Армонду. — Будьте наготове! Затем он прогремел всем своим людям, обходя их сзади: — По моей команде, мы закрываем плиту! Выстраивайтесь ровно, как и прежде! Располагайтесь так же. И если я увижу, что хотя бы один из вас поднимет голову против меня... — Однако капитан замолчал, медленно повернулся в сторону ямы и уставился на гладкую, багряную фигуру, медленно поднимавшуюся из центра вихревой колонны тёмной плоти.

~*~

На противоположной стороне собора Клодий оставил Гревилла и побежал к дверям церкви, когда стрела из арбалета попала в каменную стену. Искры полетели на расстоянии вытянутой руки. Лицо Клодия внезапно заставило его отступить и переосмыслить свой побег. Он отступил к Гревиллю, который все еще съезжился на полу. Издалека он заметил, как арбалетчик перезаряжает оружие и снова наводит его на него. Клодий медленно приблизился к Гревиллю, теперь настороженно наблюдая за гигантской статуей циклопа, голова которого была опущена вниз, словно он изучал священника своим единственным немигающим каменным глазом. Клодий утешил Гревилля, похлопав его по плечу. «Возьми себя в руки. Ты должен быть сильным, если я хочу помочь тебе сбежать».

Гревилл сел и вытер глаза. «Да, вон отсюда. Хотел бы я... да, мы уйдем». Стеклообразные глаза Гревилла закатывались, словно он что-то искал где-то в церкви, но не мог этого найти. Однако его взгляд, казалось, обнаруживал все сразу, только в совершенно ином свете. Он пробормотал: «Я устал. Мне нужно вернуться в общежитие и отдохнуть до утренней вечерни».

«В самом деле», — согласился Клодий с нелепым предложением Гревилла, опасаясь еще больше напугать монаха новыми представлениями об их ужасном положении. «И вам следует так поступить».

Пора уходить, чтобы обрести покой и отдых до утренней вечерни.

Гревилл поднял взгляд на Клодия, но его внимание упало через плечо Клодия на далекий потолок. Его пустой взгляд был прикован к вихревым изображениям раскинувшейся фрески. Он видел крылатых демонов, убивающих ангелов. Он видел летающих демонов, проникающих сквозь круг синего пламени, с поднятыми мечами, обезглавливающих трех безликих королей. Ошеломленный, Гревилл слабо улыбнулся и кивнул, словно принимая ужасающие события на потолке.

Клодий ударил Гревилля по щеке. «Смотри на меня! Мы сейчас уходим! Когда я увижу подходящий момент, я жду, что ты поспешишь к дверям собора. Не сбавляй темп и не останавливайся! Продолжай!» «Твой взгляд устремлен лишь в двери; я буду прямо за тобой. Ты меня понимаешь?»

«Да, должно быть, я упал, но я в состоянии подняться. Может, теперь уйдём?» — спросил Гревилл, протягивая руку Клодию, чтобы тот помог ему встать. Сзади раздался громкий треск, и они одновременно обернулись, обнаружив, что большой каменный распятие упал со стены. Его остатки лежали на полу грудой разбитых обломков.

фрагменты. Однако из всех разбросанных осколков ни один не представлял собой узнаваемую часть. бывшая скульптура Иисуса, поскольку каждый разбитый фрагмент принадлежал только тому, что когда-то было высеченным из камня крестом. Сцепив руки, Клодий начал поднимать Гревилла на ноги, когда...

«Шипение!» — раздался из-за спины Клодия резкий, шипящий звук, похожий на крик разъяренной кошки. Клодий резко обернулся, в тот момент, когда Гревилл дернулся назад, и оба монаха упали на пол. Они замерли на месте, широко раскрыв глаза и ошеломленные, их рясы развевались на ветру в соборе. Они смотрели в лицо тому, что любой святой человек мог бы счесть невыразимым чудовищем. Перед ними стояла каменная фигурка, которая раньше была прикреплена к резному кресту. Теперь она стояла отдельно, высотой, возможно, с маленькую собаку. Ее тело Он напоминал шакала. Однако, за исключением острых как иглы зубов, его голова осталась неизменной и соответствовала предыдущему изображению вырезанного Иисуса, с терновым венцом. И в отличие от передних лап, которые стояли отдельно, вертикально и ничем не загороженные, Его задние лапы лежали задом наперед на пол, обе, казалось, были сбиты гвоздями и прикреплены к большому обломку бывшего каменного креста. Гротескная статуя ползла к ним, волоча за собой вывернутый назад задний конец и всё ещё прикреплённый кусок камня. Клодий и Гревилл отскочили от приближающейся каменной фигуры.

«Рёв!» Громкий голос нависшего циклопа разнёсся по собору, на мгновение заглушив все звуки. Клодий увидел, что великан смотрит на него своим единственным огромным глазом. Статуя отпустила руку от потолка, подняла другой огромный меч и начала спускаться с углового основания колонны, когда оба жреца вскочили на ноги и бросились к стене. Каменный великан ударил сандалией по полу церкви, вызвав трещины в каменных плитах, распространяющиеся из-под его пятки. Камни крыши и пыль осыпали движущуюся статую. Внезапно незакреплённая часть крыши собора обрушилась, и в грохоте обрушился огромный столб обломков на великана.

Циклоп разлетелся на куски под внезапным ударом, и всё вокруг рассыпалось на пол в лавине песка и камней. Огромное облако пыли прокатилось по полу, подхваченное ветром, который развеял её повсюду, заслонив весь вид на церковь. На полу суетилась каменная фигура шакала, таща за собой обломок креста. Она бросилась к центру собора и нырнула в частично закрытую яму. Словно гниющая чума, ад поглотил собор, не пощадив ни одной священной иконы. И этот загадочный момент превратился в всё более ужасающий кошмар.

«Поднимайте!» — крикнул капитан Борн. Солдаты тянули и натягивали тросы, пока алтарная плита скользила все дальше и дальше, скрежеща о треснувший пол. В завывающем ветре и клубах пыли солдаты стояли почти глухие и слепые. Треть ямы была покрыта медленно надвигающейся плитой, и все более расширяющиеся трещины в полу шипели

Извергались клубы ледяного тумана. Мужчина издал крик, который, казалось, был лишь полувоплем. Внезапно Борн заметил пустое место в рядах — и большую трещину в полу, из которой поднимался столб тумана и ледяных кристаллов. Он метнулся сквозь ряды, и перепрыгнул через трещины в каменных плитах. Но было уже поздно; он даже не смог найти своего солдата в глубокой расщелине, которая, казалось, уходила даже в самые глубины ада. Он закричал остальным бездействующим солдатам, которые теперь держали в руках пары факелов без пламени: «Немедленно окружите строй сзади! Если кто-то из нас упадет, немедленно займите эту позицию!» Он повернулся к дальней стене. «Армонд, будь готов принять командование!» Когда солдаты бросили факелы и бросились отступить от ямы, Борн перелез через расщелину в полу. Он прицепился к тросу, вместо упавшего солдата, и предупредил всех солдат на веревках: «Мы тянем как одно целое и умрем как одно целое!»

«Вперёд!» — крикнул Борн. Синеватые костяшки пальцев сжимали верёвки. Дрожащие мужчины шипели и стонали. Алтарь снова медленно продвигался вперёд. Ледяной дождь сыплся из вращающейся колонны, засыпая каждого солдата. Мужчины были мокрые и грязные от пыли, некоторые морщились. Под заснеженными бородами у всех них читались страх и отчаяние, которые можно было увидеть только в пылу ожесточенной битвы.

«Взрыв!» Сквозь быстро рассеивающуюся дымку пыли, некогда окутывавшую весь собор, капитан не сводил глаз с всё более обнажающихся остатков сверкающей решетки монаха, из горла которой продолжали выходить светящиеся Призраки. Один за другим они вылетали изо рта трупа, каждый быстрее предыдущего, пока горло трупа не захлопало и не издало такую интенсивную ревность, что раскололось вдоль. Внезапно голова и шея монаха раскрылись во все стороны, словно быстро созревающий мясистый цветок. Из оставшегося обезглавленного туловища вырвался яркий столб струящихся Духов, кричащих и пульсирующих вверх. Высокие уровни собора кишели светящимися полупрозрачными фигурами. Повсюду призраки исчезали и появлялись из потолка, стен и пола — весь собор мерцал неестественным сиянием.

Алтарная плита скользила короткими рывками, когда массивный камень перекатывался по мешавшему ей телу монаха Грейта, и с каждым толчком тяжелого камня безкожий торс сгибался дальше назад, пока его огромный вес не сломал позвоночник. Труп перевернулся и резко согнулся вбок. В этом ужасном и неестественном положении развевающиеся остатки его головы оторвались, чтобы быть поглощенными ревушей черной колонной внизу. Внезапно исход духов горла прекратился, но его расширенное отверстие в шее продолжало существовать. Гортанные стоны — в унисон с каждым движением алтарной плиты. Однако искореженные остатки в конце концов исчезли под скользящим камнем. Наконец, в момент, когда казалось, оглушительный рев начал стихать; ветер утих; пыль осела, и пол собора сотряс оглушительный глухой удар. С алтарной плитой

Зафиксировав яму на месте, Борн и его люди наконец-то её закрыли. По полу продолжал разноситься низкий гул, свидетельствующий о том, что под камнем алтаря всё ещё бушевал вихревой столб почерневших частей тел.

Хотя кардиналу Блази и удалось открыть Камень-Врата — настолько, чтобы выпустить армию Призраков, — он так и не нашел возможности прочитать оставшиеся отрывки, которые могли бы направить их против англичан в Креси. Поэтому стая бесцельных Призраков просто кружила под потолком, без каких-либо указаний или приказов.

сортировка.

«Проклятый кардинал!» — прогремел голос Борна в затянувшейся темноте, его звон быстро затерялся в шлейфе перекрывающихся эхо.

~*~

За пределами церкви, через территорию аббатства, Одино всматривался сквозь вечнозеленые кустарники. Его колени чуть не подкосились от тошноты, когда он увидел, как четверо солдат выносят безжизненные останки Ивана из главного входа в здание катакомб. Они отнесли труп в баню, где поставили его у внешней стены. Одино с трудом сдерживал слезы, его мысли были заняты Лазарем. Он изучал солдат, которые стояли, сгруппировавшись во дворе, все их внимание было приковано к церкви. Мужчины указывали в воздух, на светящиеся Призраки, появлявшиеся из-под крыши собора. Желтые светящиеся фигуры кружили вокруг церковных шпилей, гоняясь друг за другом среди высоких террасных рядов каменных гротесков. Все вместе они роились, как голуби, которые сражались и боролись за места для ночлега.

Не сумев найти Лазаря в катакомбах, солдаты Борна вернулись на поверхность и вышли во двор, где обнаружили лишь пелену светящихся Духов, снующих в верхних ярусах собора. Завороженные разворачивающимся перед ними сюрреалистическим зрелищем, стражники собрались со своими соратниками, прислонившись спинами к ряду кустов, где прятался Одино — монах увидел свой шанс.

Одино выскочил из кустов и проскользнул через боковой вход в здание катакомб. Он помчался по длинному коридору, завернул за угол и приложил ухо к... Деревянная дверь входа в катакомбы, обнесённая железными ремнями. Затем он осторожно открыл дверь и обнаружил, что внутри её никто не охраняет. Незамеченный, он, шаркая ногами, спустился по тускло освещённой лестнице и помчался по коридорам, поворачивая то в одну, то в другую сторону, спускаясь глубоко под землю и в непрерывный проход, который никуда не вёл, кроме как к Колодезной яме.

Добравшись до Колодца, Одино сунул факел в темную лощину и прошептал: «Лазарь?» Однако комната была пуста, слышно было лишь бульканье подземного источника, протекающего по широкой канаве в полу. Одино шагнул

внутри. Он, шаркая ногами, пробрался в дальний конец комнаты, где схватил одну из многих. Деревянные ведра для воды, выстроившиеся вдоль стены. Он подошел к рву и постучал ведром по каменистому дну. «Лазарь? Где ты? Это брат Одино». Затем он передал факел над рвом и стал искать под водой.

Одино с грохотом швырнул ведро на пол. Оно разбилось вдребезги, когда Одино взревел: «Лазарь, выйди!» Мгновенно поверхность подземного потока прорвалась, и промокший Лазарь, спрятавшийся в небольшой пещере под полом — заполненном воздухом кармане, образованном многовековой эрозией, — оказался внутри. К счастью, о его существовании знали только пять человек: Лазарь, Одино, два уродливых оруженосца по имени Мигель и Татей, которым Лазарь доверился, и крепкий сереброволосый монах, который теперь лежал рядом. Баня, навсегда замолкшая.

«Отец...?»

«Да. Иван умер, Лазарь; но он всегда будет с тобой — здесь», — ответил Одино, постукивая Лазаря по груди. Он тяжело сглотнул. «Послушай меня, мальчик; времени мало. Мы должны уйти поскорее!» Он отбросил остатки ведра в сторону, схватил протянутую руку Лазаря и вытащил его из воды. Лазарь потянул...

Лазарус смахнул маску с веревочного пояса и отжал с нее воду, когда Одино забрал ее у него и бросил в ручей. «В этом нет необходимости. Твой мир изменился — совсем по-другому». Лазарус наблюдал, как стремительное течение унесло маску.

Маска для лица просочилась сквозь протертое отверстие в стене и навсегда затерялась в темных водах под землей.

Они выбежали из Колодца и помчались вверх по извилистому туннелю. Перед ними тяжелый монах вонзил пылающий факел в разворачивающуюся темноту, а позади них тянулся шлейф дыма по резному потолку, в то время как вода с мокрой рясы Лазаря стекала все глубже в туннель. Дальше, за плечом монаха, отражения в расширенных зрачках мальчиков могли показаться парой светящихся желтых дисков в свете развевающегося пламени факела. Лазарь ускорил шаг, его мокрая ряса хлестала и трещала, когда он упал рядом с Одино. Он спросил его: «Почему Вратный Камень кричит, монах?»

Одино резко остановился и прислонился к стене, чтобы отдышаться, прежде чем направить фонарик на пару голубых глаз. «Крик? Как он может кричать?» «Я слышу это. В своем сердце — этот звук. Даже сейчас он доносится оттуда». Лазарь указал на самые высокие участки каменной стены туннеля. Одино обдумал слова Лазаря и понял, что мальчик указывает в сторону собора — в самое его сердце. Монах отругал его: «Больше я не потерплю этих дурных слов, мальчик! Замолчи, а то нас услышат!» И снова они помчались по туннелю.

Они поспешили сквозь лабиринт катакомбных проходов. Наконец Одино нырнул в покои мальчиков и хрипло рявкнул: «Снимай эту мокрую мантию!» Он прислонился к краю прихожей. «У тебя есть чистая одежда?» «У меня они лежат под кроватью». «Тогда идите с ними; я не могу там наклониться! У вас есть другой капюшон?» «Только тот, который ты у меня отнял, монах». «Это не имеет значения. Раздевайтесь и одевайтесь как можно скорее». Одино выглянул из-за двери. Идя по главному коридору, он ничего не увидел, кроме темноты, поскольку Лазарь скрылся, и никто не удосужился заменить факелы в катакомбах. Тем не менее, Одино стоял на страже, прислушиваясь к едва слышимым звукам и высматривая вдалеке мерцание пробивающегося факела.

Одино обернулся и увидел Лазаря, стоящего на коленях у своей кровати и тихо плачущего над деревянным ящиком, наполненным одеждой.

«Что случилось, мальчик?» — прошипел Одино.

Лазарус положил руку на край коробки. «У меня есть капюшон — новый. И два».

Ещё несколько — один для Мигеля, другой для Татеуса.

«Давай, Лазарь, поторопись! Сейчас не время!» Одино бросился вперед с факелом, вытащил достал из коробки халаты и маски и положил их на кровать.

Лазарь вытер лицо, вскочил на ноги и быстро разделся. Одино передал эстафету. Он перебирал одежду по кровати, а свободной рукой раздевал ее. Мальчик ходил кругами. Лазарь, обнажённый и дрожащий, держал руку на груди. Почти во всех отношениях его худощавое тело казалось таким же обычным, как у любого мальчика его возраста, за исключением отсутствия пупка на животе. Однако самым большим отличием Лазаря от других мальчиков-оруженосцев была не сутулость, как предполагали обитатели аббатства — оруженосцы, монахи и аббат. Внешне его позвоночник был идеально выровнен, как у любого здорового мальчика. Самым заметным отличием было что Лазарь обладал парой сложенных, перепончатых крыльев из плоти и костей.

Лазарь расправил крылья и энергично стряхнул с них воду. Он сложил их, сгорбившись на спине, и повернулся, чтобы найти Одина, с одеждой, накинутой на предплечье, нахмурившись, пока капельки воды стекали по его нахмуренному лбу.

«Простите меня, братец», — произнес Лазарь, опустив взгляд.

Одино кивнул в сторону кровати Лазаря. «Вытрись одеялом».

Лазарь так и сделал, и Одино протянул руку. «А теперь оденься».

Пока мальчик одевался, Одино показал ему еще один полный комплект одежды, разложенный на кровати, включая халат, набедренную повязку, капюшон и две пары варежек. «Ночной воздух холодный; ты должен надеть обе повязки, одну поверх другой. Поторопись и закончи!»

Одино хлопнул его по плечу, бросился обратно к дверям и встал на стражу, пока Лазарь занимался своими делами. «Послушай меня, Лазарь. Мы покидаем катакомбы. Однако на территории аббатства много солдат, которые сделают все возможное, чтобы остановить их».

Наш побег. И хотя нас окутывает темнота, нас не видно и не слышно — и мы должны двигаться, как ветер». Одино подавил кашель и посмотрел на Лазаря. «Ты меня собираешь, мальчик?»

«Да, братец. Но... возможно, нам стоит спрятаться в катакомбах — только до завтра», — предложил Лазарь дрожащим голосом. Монах заметил выражение лица...

На его лице отразилось глубокое беспокойство, и это произошло как раз перед тем, как мальчик надел маску на голову.

Очевидно, Одино понял, что Лазарус мало что знал о мире за пределами катакомб, за исключением того, что тот мог почерпнуть из книг скриптория аббатства. Лазарус затянул шнурки на капюшоне и добавил: «Солдаты могут нас здесь не обнаружить. Я знаю о полой стене внутри туннеля Бенион...»

Одино шагнул через комнату, схватил мальчика за плечо и потряс его. «Нет!»

Ты должен взять себя в руки! Катакомб больше нет. Больше нет факелов, которые нужно зажигать или тушить; больше нет виноделия; больше нет уборки стен и полов. С этого момента единственные приказы, которым нужно подчиняться, будут исходить непосредственно от тебя. И ты будешь жить или умрешь, подчиняясь этим приказам! Не заблуждайся, Лазарь!

«Я пока не стану монахом...»

«Никаких исключений, Лазарь. От этого зависит твоя жизнь!»

Лазарь опустил плечи и голову и стоял молча.

Одино отпустил его и вздохнул. «Что теперь?»

«Боюсь, монах».

Одино опустился перед ним на колени. «И тебе лучше быть осторожным!» — священник указал на потолок. «Эти люди наверху убьют тебя, если поймут. Страх — это то самое условие, которое сохранит тебе жизнь. Страх — это хорошо». Он потряс факелом. «Страх — твой друг, которого никогда нельзя испытывать или предавать». Одино вытащил вторую маску с кровати. «Теперь надень на первую еще один капюшон и немедленно надень третью пару варежек поверх двух!» Одино резко поднялся и вернулся к дверному проему.

Лазарь поспешно оделся, пока Одино читал ему нотации. «Ты больше не мальчик — ты мужчина, да?»

«Да, монах», — проворчал Лазарь, надевая поверх первой вторую маску и беря ещё одну пару варежек для ног.

«Вспомни же имя Моё; как Меня зовут?»

«Вас зовут брат Делон Одино, брат».

«Нет! Запомните это — мальчика по имени Лазарь больше нет. Он вырос и стал мужчиной. Он говорит и ведёт себя во всём так, как мог бы говорить и его отец». Одино хлопнул открытой ладонью по камням стены, и Лазарь вздрогнул, быстро повернув тёмные глазницы своей маски к монаху. «Теперь ты Иван! Ты Иван. Теперь ответь мне ещё раз, только на этот раз так, как мог бы ответить Иван. Как меня зовут?»

«Одино», — ответил Лазарус, не отрывая взгляда от своих варежек.

«Молодец», — ответил Одино с короткой улыбкой. — «Сегодня вечером ты оправдал ожидания самого себя».

Отец. Ты будешь черпать силу от Него — изнутри себя. Он будет направлять тебя в духе до конца твоих дней. И Он всегда будет с тобой». Одино похлопал себя по груди. «Здесь, в твоём сердце». Одино посмотрел вниз, почувствовав небольшой предмет, спрятанный под рясой. «Ах, да. Он настоял, чтобы это было у тебя, на случай, если что-то... ну... здесь». Свободной рукой священник вытащил кожаный шнурок на шею. На шее у мальчика висел миниатюрный деревянный крестик, который Лазарь сразу узнал как молитвенный крестик Ивана. Одино подошел к мальчику, накинул ему на голову ожерелье и спрятал крестик под одежду. «Вот и все, теперь ты Иван. А Иван никогда не плачет, правда?» Лазарус поднял взгляд на Одино, его голубые глаза мерцали в свете факела сквозь пару дыр в его маске.

«Нет, фриа... нет, Одино, — ответил Лазарус. — Я одет».

«Тогда пойдёмте». Одино похлопал его по плечу. «И что бы с нами ни случилось, помни лишь одно : ты должен как можно скорее покинуть это аббатство и навсегда держаться от него подальше. Если солдаты меня поймут, ты не должен оглядываться назад или колебаться. В одиночку они меня не убьют; но если поймут тебя, то убьют нас обоих — тебя за то, кто ты есть, и меня за то, что я помог тебе сбежать». Одино прищурился. «Моя жизнь в твоих руках. Не подведи меня, Лазарь».

Лазарь потёр небольшой предмет, спрятанный под одеждой, и расправил плечи. «Я не буду... Одино».

Одино бросил горящий факел на кровать, и пламя мгновенно охватило покрывало. Дым клубился под каменным потолком и разливался по коридору. Лазарус вспомнил письмо Нарамсина и множество страниц, исписанных символами. Он нырнул вперед и засунул руку в солому матраса, но бумаг не нашёл. Одино оттащил его. «Что, черт возьми, ты делаешь?»

«Там лежал свиток пергамента!» — воскликнул Лазарь, указывая на горящую кровать.

«Его больше нет».

«Оставь это». Одино отвернул голову Лазаря от пламени и посмотрел ему прямо в глаза. «У тебя есть всё необходимое. Теперь послушай меня. Если нас обнаружат, ты должен вернуться к Колодезной яме и спрятаться в пещере под ней». Пол — как и прежде. Тьма и дым покроют тебя, не так ли?

«Я так и сделаю», — ответил Лазарь.

Монах кивнул, вытирая свежие капельки пота со лба. «Тогда пойдёмте — как ветер», — прошипел он.

Одино прислушался у дверного проема, прежде чем поспешно проводить Лазаря по темному коридору. Позади них мерцание пылающего камина померкло, а заметные элементы прохода погрузились в темные тени. Одино, как он часто делал во время ночных паломничеств в винный погреб, пробирался сквозь темный туннель; он проводил кончиками пальцев по стене, нащупывая памятные метки, которые могли бы подсказать ему, куда он идет. Лазарь шел следом за ним, направляясь к центру коридора.

Пройдя по коридору, он быстрым и уверенным шагом не коснулся ничего. В темноте властная походка мальчика могла бы показаться идентичной походке его отца: длинные, энергичные шаги, словно отбивающиеся пятками, сотрясали землю под ногами. Монах и оруженосец вместе завернули за поворот и поспешно направились к далекому свечению в конце коридора.

Наконец туннель вывел его в высокое огороженное пространство с широкими ступенями, ведущими вверх к каменной площадке. На площадке находилась незащищенная деревянная дверь с железными ремнями, обозначающая вход в катакомбы аббатства. У подножия ступеней катакомб мерцающий факел изо всех сил пытался удержать остатки своего пламени. С него на пол упал тлеющий красный уголек. Одино, шаркая ногами, поднялся по лестнице, преодолев половину ступеней, прежде чем обнаружил, что Лазарус больше не следует за ним. Он остановился и обернулся, увидев мальчика, стоящего под угасающим светом факела и пристально смотрящего на пол. Священник, фыркнув, спустился по лестнице. Только тогда священник понял причину рассеянности мальчика. Лазарь устался на пол и осмотрел расплывчатое пятно крови, которое еще несколько мгновений назад текло по венам Ивана.

«Не сейчас!» Одино схватил его за руку, и они вместе бросились вверх по лестнице. Монах приоткрыл дверь катакомб и прислушался — но услышал только тишину. Он распахнул дверь. Он открыл дверь и бросился в коридор. Однако, прежде чем завернуть за угол, он оглянулся через плечо и увидел мальчика, неподвижно стоящего на пороге двери — казалось, Лазарус увидел себя стоящим на краю огромной пропасти и смотрящим вниз. Одино отступил на несколько шагов и жестом подозвал Лазаруса к себе. «Сейчас!»

Лазарь глубоко вздохнул, прежде чем ворваться в дверной проем. Он прижался к Одино, сжимая кулаками стену монашеской рясы.

«Молодец. Теперь держись поближе». Одино оттащил его. Хотя Лазарус ничего не сказал, Одино услышал учащенное дыхание Лазаруса и представил себе широко раскрытые от ужаса глаза, скрытые под ничем не примечательной маской. Внезапно из соседнего помещения в коридоре захлопнулась дверь; голоса приближающихся солдат становились все громче.

«Держись, Лазарь!» — воскликнул Одино, тяжело переваливаясь с ноги на ногу на ногу и двигаясь по коридору. «Поторопись!» — прошипел он мальчику через плечо. И, потянув Лазаря за собой, они вдвоём убежали прочь от шума.

Они вдвоем выскочили из боковых дверей здания и спрятались за рядом высоких вечнозеленых кустарников, которые тянулись вдоль стены аббатства. И там они оставались неподвижными, пока холодный воздух и слабый свет восходящей луны окутывали их учащенное дыхание заметным туманом. В направлении собора они слышали спорящие голоса солдат, сопровождаемые редкими командными выкриками. Ночной воздух наполняли звуки: фырганье коней, топот сапог, хлопанье дверей и лязг металла — двор был полон шума суетливой армии. Оди

Одино потянул Лазаря за одежду и жестом пригласил его следовать за ним. Вместе они проскользнули в тесное пространство за живой изгородью, прижимаясь спинами к стене. Они тихонько продвигались к южным воротам аббатства, голоса разговаривающих солдат становились все громче с каждым их шагом. Одино приложил палец к губам, жестом приглашая Лазаря молчать.

Монах осторожно раздвинул кусты, чтобы разглядеть четырех солдат, стоявших во дворе, вдали от открытых и неохраняемых ворот аббатства, спиной к нему и смотрящих на далекий потолок собора — на облако светящихся Явлений, роившихся над ним. Он снова дернул Лазаря, прежде чем раздвинуть край живой изгороди и беспрепятственно выйти на поляну. Пока солдаты оставались, Одино вытащил Лазаря из-за кустов и так резко толкнул его через ворота, что мальчик чуть не споткнулся и не упал. Тем не менее, они вдвоем благополучно ускользнули во тьму и, по счастливой случайности, в то самое Зло, которое Попытка Лазаря спрятаться, спасая свою жизнь, чтобы солдаты не нашли и не убили его за то, кем он был на самом деле, теперь отвлекла солдат и позволила ему сбежать.

Словно тени, движущиеся в тусклом свете восходящей луны, они спустились с холма к полю короткой сухой травы, отмеченному рядами камней и крестов, — к кладбищу аббатства. Они промчались через насыпи и надгробия, пока не достигли дальнего конца кладбища. Одино спрятался за огромным валуном, выхватив Лазаря из поля зрения патрулирующих солдат.

И там они спрятались от всех. Одино прислонился к скале, задыхаясь. Лазарь стоял рядом, оглядывая почти все вокруг. Он рассматривал траву, надгробия, далекие холмы, восходящую красную луну и бескрайнее небо, усеянное бесчисленными звездами. «Мне это не нравится, — заметил он. — Мир слишком велик».

Одино перевел дух и вздохнул. «И оно станет еще больше, прежде чем пройдет вечер».

Лазарь обернулся и спросил: «Ещё больше, чем сейчас?»

Монах опустил плечи и застонал: «Этого не будет. Мне нужно принести провизию». Он посмотрел на мальчика. «Я знаю незащищенную тропинку, которая обеспечит безопасный проход в общежитие и обратно, а также в аббатство, если только стражи у ворот не будут отвлекаться».

«Мы сбежали — мы в безопасности!»

«Нет, Лазарь. До ближайшей деревни больше суток пути, а до ближайшего убежища, которое могло бы тебя укрыть от солнца, еще полдня ночи. И у нас нет никаких припасов на ближайшие дни, кроме одежд, которые на нас надеты».

«Возможно, по пути нам удастся найти припасы», — предположил Лазарус.

«Если бы только мир был так добр. К сожалению, на этом пустынном пути, который нам предстоит пройти, мы не найдем ничего подобного. Единственное средство для разведения огня и единственное...»

«Доступная нам пресная вода по-прежнему скрыта за этими стенами», — заявил Одино, кивая в сторону южных ворот аббатства. «А последние остатки еды между этим местом и Горным Устом теперь спрятаны в общежитии, так как я собрал все, что осталось от кухонных запасов».

Лазарь посмотрел на запад. «Устье горы — это пещера; вон там», — сказал он, указывая в сторону темного горизонта.

«В самом деле, это так, — ответил Одино. — И именно там ты должен находиться сейчас, в безопасности от солнца. Ты помнишь пещеру, да?»

«Да. Мой отец рассказывал мне о Маунтин-Маус. И брат Николай описал мне...» как он это обнаружил.

«Вы верите, что сможете привести меня именно туда — всего за полвечера?»

«О, да! Я могу вас туда отвести! Брат Николай сказал: если идти строго на запад, ни на йоту не отклоняясь, то попадешь прямо в Горный Пасть. А я никогда не отклоняюсь от пути; вы сами увидите».

Одино вздохнул с облегчением, прекрасно понимая, что Лазарь обладал божественным чутьём к направлению, даже более развитым, чем, возможно, у любого человека на свете — чутьём, столь же безошибочным, как у любой перелётной птицы. И он был уверен, что Лазарь не позволит себе отклониться от западной тропы больше чем на пару шагов, даже если его заставят идти в её направлении ночами подряд. Одино повернулся к аббатству и пробормотал: «Наконец-то это может сыграть нам на руку. Мне нужно будет принести нам провизию, пока солдаты отвлечены».

«Но солдаты нас всё равно настигнут!» — воскликнул Лазарь, схватив за край одежды Одино.

«Нет», — ответил монах, поворачиваясь и отдергивая руку мальчика. «Я должен идти один. Мы не можем рисковать твоим пленением».

Лазарь похлопал по валуну. «Тогда мне следует остаться здесь — за этим камнем?»

Одино покачал головой. «Нельзя. Если останешься здесь, то патрулирующие солдаты могут тебя застать врасплох. А если я задержусь, то у тебя может не хватить времени, чтобы укрыться от солнца». Одино посмотрел на восток и увидел яркую, раздутую луну.

Лазарус осмотрел темную западную окраину кладбища, прежде чем повернуться к Одино. «Тогда где мне спрятаться?»

«Не здесь. В Маунтин-Маус», — ответил Одино. «Путь займет всего полвечера. Время».

«Он на вашей стороне. И вы знаете, как его найти, верно?»

Лазарус опустил голову. «Возможно. Только если Николай скажет правду, но...»

«Николай говорит правду, Лазарь. Он показал Моунт-Маус моему отцу и мне. Мы были там, когда он дал ему это название».

«Но нам следует уйти вместе — тебе и мне. А на следующий день ты можешь вернуться в аббатство и принести провизию, хорошо?»

«Нет, Лазарь. Путь будет трудным — придётся пересечь множество холмов и долин». Одино вытер вспотевший лоб рукавом. Он приложил дрожащую руку к...

Он пожал животу и покачал головой. «Я не в состоянии идти туда и обратно. Я — обуза даже для самого себя, даже без тяжелого мешка с провизией. Если я не умру от сильного холода, и я поступлю так, как вы могли бы посоветовать, вернувшись на следующий день, то...» «Как мне проскользнуть мимо солдат, когда утихнет предвечернее волнение и стража ворот вернется на свои посты?» — Одино указал за валун, за стену аббатства. — «Смотри там, на вершине собора, — на те вещи, которые этот новый кардинал выпустил из Камня Ворот». Лазарус посмотрел на крышу и шпили церкви, верхние части которой теперь освещались собирающимся роем бесформенных Явлений. Одино продолжил: «Это своего рода Духи, и я совершенно уверен. Они намерены сделать нечто большее, чем просто развлечь нас своим зрелищным представлением. Нет, их присутствие и движения говорят мне о том, что над этим аббатством еще предстоит развернуться гораздо большее зло. Я не знаю, какое именно; и все же даже сейчас они, кажется, собираются в армию духов. Посмотрите, как они двигаются и выстраиваются в ряды между статуями на крыше. Одно несомненно, мой мальчик: нас здесь не будет, когда они придут организовываться. Поэтому я должен двигаться сейчас, пока солдаты отвлечены ими и новым дымом из катакомб. Сейчас самое время, чтобы принести провизию, это легко сделать».

«Они тебя поймут — я знаю, что поймут», — пожаловался Лазарь, снова дергая монаха за рясу.

Одино упер руки в бока и откинулся назад. «А предположим, что меня поймут. Что они будут делать с захваченным монахом? Просить прощения? Лазарь, даже солдаты чтят своего Господа. Они ничего не сделают со мной, хотя бы за то, кто я есть — человек в рясе и слуга Божий. Теперь, самое главное, ты должен нести Отправляйтесь в безопасное место в Маунтин-Маус до наступления вечера. Я встречу вас там с учетом положений.

Лазарь отпустил одежду Одина и опустил голову.

«И кроме того, — добавил Одино, — если они попытаются меня схватить, я всех их изобью козлом и вышвырну восвояси!»

Лазарь поднял голову и покачал ею. Монах почувствовал, что под маской мальчика скрывается улыбка, пусть и едва заметная. Однако мальчик отвернулся от него и уставился вдаль.

Одино преклонил колени перед Лазарем и положил руку ему на плечо. «Я ожидаю от тебя силы, как от твоего отца. Ты несёшь его крест. И ты заставишь его гордиться тобой, не так ли?»

«Хорошо, братец», — проворчал Лазарь.

Одино осмотрел местность в поисках признаков присутствия солдат. «И вы уверены, что сможете точно идти на запад?»

— Могу, — подтвердил Лазарь. — Но вы это уже знаете, братец. В его голосе слышалось раздражение.

«Да, я знаю», — Одино похлопал его по плечу и указал на запад. «С того места, где мы стоим,

Вам следует идти строго на запад половину вечера, и Горный Пасть ваша. Не делайте этого.

По пути вас должны видеть и слышать. Ни в коем случае не отклоняйтесь от курса — вы ни в коем случае не должны сбиться с него.

«Не колеблйся, чтобы случайно не обойти гору стороной. Избегай всего, иди прямо и узко к пещере. Ты меня понимаешь?»

«Да, монах».

«А если случится так, что ты не доберешься до пещеры до рассвета, ты должен укрыться от солнца. Хотя бы вырыть яму и засыпать себя землей и камнями». Одино наклонился и крепко потряс его за плечи. «Это очень важно, Лазарь! Солнце убьет тебя! Ты умрешь! Я видел это — это ужасная и мучительная смерть! Твоя плоть окаменеет насквозь, даже когда ты будешь кричать! И этого не избежать. Солнце станет твоей смертью, Лазарь — после этого жизни не будет».

Лазарь ничего не сказал. Одино отпустил его. Для монаха молчание мальчика и его невозмутимая поза показали вполне адекватным ответом.

«Теперь я ожидаю, что ты уйдешь отсюда — здесь осталось только зло. Никогда не оглядывайся назад и ни при каких обстоятельствах не сдавайся». Одино поправил одежду мальчика. Он еще раз осмотрел территорию, прежде чем подтолкнуть мальчика и уйти. «Ты меня понял?»

«Да, монах».

Лазарь шел к темному западному горизонту; он устремил взгляд вперед и воскликнул: «И вы скоро пойдете за мной — сегодня вечером?» Его голос дрожал.

«Мы встретимся у Горного Уста рано утром, если Господь позволит», — заверил его Одино. «Только благодаря непоколебимой вере и твердой решимости ты переживешь все, что тебя ждет. Ты теперь мужчина, Лазарь. Ты сын своего отца; и ты несешь все его бремена и благословения. Не колеблешься в отвращении, искушении или смятении. Не сбивайся с пути. Ты теперь Иван. Вперед! И будь тих!»

Мальчик напряг плечи и двинулся вглубь кладбища. Одино наблюдал издали, как силуэт в мантии сливался с темнотой ночи.

В конце концов, фигура скрылась в тени близлежащей долины. Прошло мгновение, и западный ветер пронесся над окрестностями. Только когда Одино убедился, что мальчик уже достаточно далеко улетел, он склонился над валуном.

Под ним лунные слезы покрывали поверхность камня. Одино плакал по Ивану, потому что Иван не мог плакать по своему испуганному Лазарю; он плакал по Лазарю, потому что Лазарь притворялся тем «Иваном», которым он не был готов быть; и он плакал по себе, потому что он никогда не сможет стать тем «Иваном», которым Иван был для Лазаря.

Увы, в этом одиночестве Одино развалился на части, чувствуя себя лишь толстым монахом, рухнувшим на круглый камень, — он пытался превратиться в бесплодную песчинку, подавленную и утонувшую в каком-то великом и ужасном потоке.

Бушующая пустота и тоска — плач и изнеможение от скрытых скорбей посреди раскинувшегося аббатского кладбища давно забытых и глухих ушей.

[Конец главы 7]

Это литературное произведение было создано и исключительно в посвящении

Эдгар Аллан По (1809—1849)

— Пусть его наследие живет в каждом из нас —

~[GothicNovel.Org](https://www.gothicnovel.org)~